

малых государствах Европы¹. Автор этих строк надеется, что осознание негативных последствий «пиарналистики» в реализации когнитивной роли российской журналистики даст импульс отечественным исследованиям в данной области – хотя надежда на то, что такие исследования будут востребованы государством или медиабизнесом, остается призрачной.

Т.В. Лебедева

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД ИЗДАЛЕКА

Она родилась 25 августа 1895 года в Каунасе, в дворянской семье. Отец – Александр Мордвинов – был генералом русской армии, мать – Агнесса Урбан, русская немка, занималась домашним хозяйством. В Каунасской гимназии Вера была отличницей и закончила её с золотой медалью. Дальше её путь лежал в Одессу, где она поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов, отсюда перевелась на Московские Высшие женские курсы, изучала славянскую филологию и литературу. Была хорошо знакома с Павлом Флоренским, переписывалась с В.В.Розановым. В студенческие годы начала работать в «Коммерческом телеграфе» – вела обзоры провинциальной жизни, потом перешла в «Утро России» П.П.Рябушинского. Увлечлась революционными идеями, вышла замуж за меньшевика С.М.Шварца, вступила в его партию и в 1922 году вместе с мужем была выслана из России. В Берлине начала публиковаться в «Социалистическом вестнике» и в немецкой социалистической печати. Накануне войны семья переехала в США. Самуил Шварц работал в Русском объединённом обществе взаимопомощи в Америке (РООВА), Вера Александровна целиком посвятила себя литературе. Она была главным редактором журнала «Америка» и русского издательства имени Чехова. В 1942 году в США вышел первый номер «Русского журнала» (своеобразного заокеанского «Нового мира»), и с самого первого номера в журнале появляются её литературные обзоры под псевдонимом «Вера Александрова».

В первом номере журнала она даёт обзор советских газет, с большим сочувствием рассказывая о том, как народ переносит обрушившиеся на него невзгоды, анализирует творчество писателей-военковов Ильи Груздева, Вениамина Каверина, Владимира Лидина, Николая Тихонова. Редакция поручила ей готовить обзоры советских литературных журналов, и она с удовольствием взялась за это дело – желание узнать из уст писателей и их героев, что происходит в России, было огромно. Иногда с обзорами выступали и другие критики, общее название-рубрика «По страницам советских журналов» их вполне устраи-

¹ Ana Tkalac Vercić, Norman Mueller. Public Relations' Influence on Croatian Media. Is There a Difference Between the Opinions of Journalists and Public Relations Professionals? // Izvorni Znanstveni Rad. Medij. istraž. (god. 13, br. 1) 2007. (35-49); Kiranjit Kaur, Halimahton Shaari. Perceptions on the Relationship between Public Relations Practitioners and Journalists // Kajian Malaysia, Vol. XXIV, No. 1 & 2, 2006.

вало, но у Александровой почти каждый обзор – тематический, и названия, как правило, оригинальные. Так во втором номере журнала её обзор называется «Проблема свободы в советской литературе». Даже для такого трагически неопределённого для воюющей России года тема весьма актуальна: исполняется 25 лет пролетарской диктатуры, а «раз диктатура – свободы нет?»¹. С этого вопроса начинается обсуждение темы. Как повели себя после революции писатели? Старшие из них, за редким исключением (Блок, Брюсов, Горький), либо ушли в себя, либо эмигрировали, – объясняет Александрова, – но уже в начале 20-х «появляются новые, дотоле неизвестные писатели, родившиеся с революционной бурей»². По выражению автора, все эти выходцы из старой провинциальной России (Есенин, Клюев, Орешин, Неверов, Ширяевец, Жаров) «щеголяли литературной безродностью» и представляли собой «земский элемент с сильной крестьянской окраской и довольно ярко выраженными народническими симпатиями»³. Естественно, что произошёл пересмотр старых моральных и общественных ценностей, который в основе изменил взгляд на старое понятие свободы: Свобода – для кого? Для чего? От чего? От посягательств старого общества? Александрова помогает читателям разобраться в этом ворохе проблем и попутно анализирует творчество писателей, мало известных на Западе, в том числе и «подозрительных попутчиков», для которых «литературный дядька» А.К. Воронский добился признания и постарался сплотить таланты вокруг своей «Красной нови», разоблачая при этом тех, кто «не чувствовал разницы между литературным спором и доносом». И снова каскад кратких литературных портретов: Малышкин, Иван Катаев, Пришвин, Каверин, Афиногенов... Финал печален: погибли многие, имевшие смелость отстаивать идею творческой свободы.

Но за окном 1942 год. Вера Александрова прекрасно понимает, что на повестке дня сегодня – не только творческая свобода, но и необходимость отстаивать свободу государственную. Свой обзор для журнала «Новоселье» она называет «Советский писатель на войне». Материал начинается с развёрнутого сравнения: «Когда в доме лежит тяжело больной, близкие инстинктивно разговаривают тихо и мало. Тихо и мало разговаривает сейчас советская литература. Но никогда ещё за четверть века своего существования не был так внутренне оправдан, так понятен и необходим «кризис» литературы, как сейчас. И всё-таки литература не может и не должна умолкнуть совсем»⁴. В подтверждение этой мысли следует яркий текст, полный метафор, сравнений, противопоставлений:

– Художественное слово – не только орудие писателя и цель его жизни. Крылатый вестник, неутомимый связист, отважный сапёр – слово – хранит в себе всю душистую жизнь народа – его думы, чувства, упования.

¹ Александрова В.А. Проблема свободы в советской литературе // Новый журнал. – 1942. - № 2. – С. 323.

² Там же.

³ Там же. – С. 327.

⁴ Александрова В.А. Советский писатель на войне // Новоселье. – 1942. - № 5. – С.50.

- Писатели – «инженеры человеческих душ» - по меткому слову Л. Сейфулиной – не замечали, что их читатели часто кричали «караул» там, где они кричали «ура».

- Война внесла много изменений не только в быт, но и в психику писателей. За некоторыми исключениями, вроде В. Ставского, продолжающего даже на фронте чувствовать себя «комиссаром» и «организатором» - писатели начинают забывать свои высокие чины, эмоционально чувствуя себя скромными санитарами.

Язык писателей – главное в этом обзоре. Александра подчёркивает изменения, произошедшие в нём: «Откуда-то из глубин души и памяти, подтапливаемые страшными событиями, приходят забытые, смиренные, но вечные слова: **брат, человек, земля**. Они произносятся не скороговоркой, вокруг них в литературной фразе как бы нарочно оставляется свободное место, чтобы читатель услышал их исконную значительность»¹. Далее следует несколько страниц примеров на эту тему, в основном – из поэзии: Исаковский, Прокофьев, Тихонов. Наиболее наглядными кажутся Александровой изменения в настроениях у Алексея Суркова, стихи которого, по её мнению, «при субъективной искренности политических настроений... «отдавали агиткой»². Сейчас этого нет. Александра цитирует строки из последнего стихотворного цикла Суркова «Они не вернутся с Востока»:

Пламенем, сталью и мезтью, не знающей меры,

Будет платить по кровавому счёту народ.

И продолжает: «Народ, но не тот нарядный, с большой буквы, которого славословила официальная публицистика прежде, чтобы тем вернее «заговорить» нужды реального народа, а большая **своеобразная крестьянская страна** из мужественных, упрямых, «несгибаемых» людей»³.

Пример такой «несгибаемости» - герой рассказа В. Ильенкова «Фетис Зябликов». Суть рассказа такова: фашисты загнали в амбар 12 крестьян и требуют назвать коммунистов. Единственный среди них коммунист уверен, что десять человек его не выдадут, но Зябликов может: все просьбы он всегда встречал с мрачной издёвкой: «Опять карманы выворачивать? На аэропланы просить пришёл?». И вдруг этот «несознательный» Зябликов вышел вперёд и объявил: «Я коммунист». «Достоин!» - сказал один из оставшихся.

«Воистину достоин», - подхватила Александра, заканчивая обзор словами: «И да не забудутся писателями чувства, навеянные при встрече с этим героическим и глубоко нравственным народом и тогда, когда настанет наконец всей страной ожидаемая «тишина победы».

С первых дней войны Вера Александровна начинает собирать материал о войне. В её рабочих тетрадях появились выписки из советской прессы, из радиопередач: о блокаде Ленинграда, о «дороге жизни», отрывки из стихов Н.Тихонова, «Мужество» Ахматовой. Рядом – новые словечки из лексикона ленинградцев: «карманные грелки», «тепушки», «временки», «буржуйки». В

¹ Там же. – С. 51.

² Там же. – С. 54.

³ Там же. – С. 55.

четвёртом номере «Нового журнала» появляется глава из её будущей книги о войне. В ней Александрова отмечает, что «Ленинград держится не чудом, а мужеством, граничащим с чудом, выносливостью, стойкостью и тихим героизмом всего населения»¹. Европейскому Ленинграду в какой-то мере противопоставляется «столица европейско-азиатской державы» Москва, где особенно часто вспоминают 1812-й год, где всё пропитано российской историей. «Москва, благословен твой каждый камень! / Нас в бой зовут столетия Кремля», – цитирует она С.Щипачёва и рассказывает о собранности, организованности, бодрости москвичей и возвращающихся в свои освобождённые от фашистов города жителей Подмоскovie. «Немецкий грабёж среди бела дня раскрыл им глаза, они поняли, что это война на полное уничтожение и закабаление. Народная молва об этом дошла до Москвы, а отсюда растеклась по всей стране. Вот тогда-то, на исходе зимы 1941–42 года германо-советская война и вступила в новую, решающую фазу, превратившись в войну народную»².

В «Новом журнале» № 5 опубликован обзор Александровой «Командиры Красной Армии». Его идея очень оригинальна: проследить, как менялось отношение к командирам в ходе войны. В произведениях военных лет почти везде фигурируют офицеры старой армии, подозрение к которым внушалось народу с 1917-го года. Их называли «наёмниками капитала», «лакеями буржуазии», только немногие писатели отваживались заглянуть в души этих людей. Героями были «дозорные крестьянства», «ревниво наблюдавшие за тем, чтобы прежние «господа» или смущавшие мужиков «комиссары» не сели им на шею»³. А теперь в книгах Симонова, Гроссмана, Ставского «царские» офицеры – тоже герои. Автор объясняет необходимость их присутствия потребностью «связать нынешнюю войну с прошлой, *восстановить непрерывность развития, взорванную Октябрьской революцией, которая настолько сильна, что биографии молодых командиров украшаются подлинными и мнимыми «завещаниями» отцов*»⁴.

О молодых командирах, в основном, представителях интеллигенции, критик тоже отзывался очень тепло. Они знали, что защищать, но не представляли войны в реальности. «Перед молодыми командирами встала страна в огне пожаров и разрушений. Огонь пожирал не только прекрасные дворцы труда и красивые клубы, а великое множество бедных изб – нищую, крестьянскую Россию. Та страна, которая открылась перед ними на дорогах войны, выжгла в их душе след на всю жизнь»⁵.

В обзоре следующего номера «Нового журнала» Александрова подчёркивает, что на данном этапе войны «горечь утрат и поражений компенсируется радостью открытия в себе и в своих современниках вечной России», появляется «тема возмужания, ответственности перед страной, привязанности к милым подробностям русской природы»⁶. От стихов многие поэты переходят к поэмам

¹ Александрова В.А. Первая военная зима в России // Новый журнал. – 1943. – № 4. – С. 259.

² Там же. – С. 272.

³ Александрова В.А. Командиры Красной Армии // Новый журнал. – 1943. – № 5. – С. 340.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 359.

⁶ Александрова В.А. Обзор советских журналов // Новый журнал. – 1943. – № 6. – С. 355–356.

и балладам (Маргарита Алигер, Ольга Берггольц, Вера Инбер, Зинаида Шишова, автор поэмы «Блокада»). В беллетристике рассказ тоже уступает место роману и повести, но здесь преобладают произведения на историческую тему и мемуары, что, возможно, обусловлено юбилеями: 60-летием А. Толстого и Ф. Гладкова, 70-летием О. Форш, 80-летием А. Серафимовича.

Особенно урожайным на обзоры советских журналов был у Александровой предпобедный 1944 год. Но и в этих обзорах велик интерес критика именно к произведениям на историческую тему. Обзор, опубликованный в первом номере «Нового журнала» за этот год (порядковый № 8) называется «Советская современность в зеркале исторического романа». Повествование начинается с предположения, что будущие историки и социологи удивятся, как много внимания русское общество времён революции уделяло истории,¹ и с вопроса: Откуда интерес? Автор подчёркивает, что «Блок не был одинок в своём обострённом чувстве историчности переживаемой революции. Многие представители русской интеллигенции – профессора, инженеры, врачи – посвящали свои скудные досуги чтению исторических произведений о конце античного мира. Этот уход в историю примирял их с тяжкими и порою очень горькими переживаниями настоящего»². Но писательская молодёжь уже искала ответа на другой вопрос: «Что привело к извержению социального вулкана?» Александрова приводит массу примеров, демонстрирующих поиск писателями различных вариантов объяснения особенностей русской истории: Есенин и Клюев видели истоки революции в крестьянстве, Алексей Толстой считал революционными деяния Петра Первого и «на одной из литературных конференций с рабочими в 1932 году рассказал, что идея романа возникла у него под влиянием «нашего гигантского строительства»³.

Александрова считает роман Толстого важной вехой в развитии советского исторического романа: «От этого произведения ведёт своё начало ревизия исторического прошлого, во многом полярная той, которая была предпринята писателями периода нэпа. Эта ревизия совпала с опубликованием известных «замечаний» Кирова, Жданова и Сталина, сурово раскритиковавших учебники истории за их отвлечённый и схематический характер»⁴. Учебники переписали. Автор признаёт, что они стали лучше. Их героями стали не бунтари, а собиратели, строители русского государства, защитники его границ. То же происходит и с выбором героев исторических романов. Александрова не видит в этом распоряжения сверху, выбор – за авторами, но исторический роман становится самым удобным магнитом, с помощью которого можно извлечь из русской истории подходящие примеры на любой случай: во имя великих преобразований можно требовать самых тяжёлых жертв; русское государство во все критические моменты спасали вожди. Но исторические романы, написанные в военные

¹ Александрова В.А. Советская современность в зеркале исторического романа // Новый журнал. – 1944. – № 8. – С. 275.

² Там же.

³ Там же. – С. 279.

⁴ Там же. – С. 281.

годы, вносят в последний тезис существенное добавление: решающим фактором спасения страны всё-таки является героизм её народа.

В следующем номере «Нового журнала» Александрова снова начинается обзор с исторического романа. Третья книга «Петра Первого» оценена кратко: «В ней всё интересно», - а далее идёт разговор о событиях, только что вписанных в историю страны и нашедших отражение в литературе: «Дни и ночи» К.Симонова – «самое лучшее, что пока написано не только о Сталинграде, но вообще о войне. Простота и внутренняя собранность повествования оказываются самыми лучшими средствами для передачи небывалого и героического»¹.

Отмечает автор и ещё одну, существенную на её взгляд, особенность романа Симонова: «Сейчас большинство писателей опять вернулось к прославлению не просто русского человека в войне, а именно «советского». Симонов, наоборот, не прочь подчеркнуть «русскость» героев. Может быть, поэтому читатель легче разберётся в тех новых чертах, которые появились в людях в результате революции»². Далее критик анализирует новые книги о войне К.Федина, В.Каверина, Ю.Германа, А.Крона, Н.Тихонова, И.Эренбурга и опять возвращается к автору «Петра Первого», цитируя его статью «На историческом рубеже»: «То, чем мы могли вспахивать советскую землю в мирное время, это не совсем подходит для переживаемой нами страшной, героической и обнажённой эпохи». Эти слова Толстого Александрова толкует так: «Патриотизм народа, *осознавшего свою гражданскую зрелость*, - это ещё показано слабо»³.

«Окончание войны не упраздняет темы войны», - с этих слов она начинает свой первый послевоенный обзор, в котором анализирует военные дневники Симонова, блокадный дневник Веры Инбер, романы Ф.Панфёрова «Борьба за мир» и Б.Горбатова «Непокорённые», «Морское братство» А. Зонина и «Офицер флота» А. Крона, «Сказку о правде» М.Алигер. Далеко не всё из написанного нравится критику. Александрова считает, что «литературные неудачи становятся убедительной иллюстрацией невозможности механического соединения довоенных моральных и общественных норм с впечатлениями, добытыми в страшном испытании»⁴. «Первой ласточкой послевоенной литературы» называет автор повесть Валентина Овечкина «С фронтовым приветом» и хвалит её за показ черт «добротного и сурового трудового народа», который не просит наград и почестей, но постоянно ищет ответ на вопросы: Почему враг напал на нас? Почему мы так бедны? Почему дома – тот же фронт, ничуть не легче?

Ожиданиям изменений в жизни России после войны сопутствовало пристальное внимание Запада ко всем происходящим там процессам. Приветствовалось усиление русского патриотизма, повышенный интерес к истории народа, правдивость описания его военных тягот. Это было особенно заметно в начале войны, потом, как написала в одном из обзоров Александрова, «первоначальный заряд цельного народного патриотизма» стал спадать, его отражали в своих произведениях лишь немногие писатели, большинство же пользовалось

¹ Александрова В.А. По советским журналам // Новый журнал. – 1944. - № 9. – С. 246-247.

² Там же. – С. 248.

³ Там же.

⁴ Александрова В.А. По советским журналам // Новый журнал. – 1945. - № 11. – С. 260.

«патриотической настроенностью как готовой формой, исподволь наполняя её другим содержанием»¹. Автор обзора находит для изображения этого процесса такой образ: «Бывает, поднимется далеко в океане высокая гряда волны и мчит-ся, закипая пеной, вот-вот налетит, подомнёт, сокрушит. И вдруг что-то – ветер ли, встречное ли течение – подсчёт внутреннюю силу разбега и, домчавшись до берега, разольётся по нему тихой, присмирившей струей»².

Александрова внимательно всматривалась не только в зигзаги и повороты литературного процесса, отражающие какие-то внутренние и не всегда понятные ей причины. Её особенно интересовали не главные герои произведений, а персонажи «литературной обочины», которым иногда удавалось выразить мысли, отличные от высказываний «положительных» героев. Александрова находит таких персонажей едва ли не в каждом произведении. Она назвала их несколько позже «несогласными гражданами». Первый «несогласный гражданин» появился в её копилке в 1944 году при анализе пьесы Л.Леонова «Ленушка», опубликованной в «Новом мире». Критик отмечает, что пьеса обозначена автором как «народная трагедия», и соглашается, что «трагический элемент в ней несомненен, хотя он и не там, где на него указывает писатель. Трагизм не в том, что умирает раненый командир танка Темников, с которым познакомилась и которого успела полюбить Ленушка, пробираясь в село повидаться с родителями, а во всей обстановке разорения и обнищания деревни, за которой чувствуешь разорение огромной страны. На этом фоне острее воспринимаешь старый конфликт между крестьянством и властью, который развёрнут в поведении «кулака» Степана Дракина. В рассказах первого года такие писатели, как А. Толстой, В. Ильенков показывали, что под влиянием войны крестьяне решились «закрыть свой счёт» против власти, а Леонов теперь опровергает это»³.

В 1952 году В.Александрова снова возвращается к теме «несогласных граждан» (термин был пущен ею в обиход в 1949 году). В обзоре журналов за предыдущий год она так изображает общую картину новейшей российской литературы: «В пространных произведениях - «на большом полотне» - живёт тщательно отобранный контингент «героев», живут они хотя и напряжённо, но какой-то вымышленной и внутренне серой жизнью, а за пределами этого большого полотна сбились в кучу рядовые люди со своей трудной жизнью, до которых никому нет дела и которых не замечают те, кто, захлёбываясь от восторга, твердят о «величии нашей эпохи»⁴.

Особенно раздражает критика советская поэзия, авторы которой даже не от имени героев, а от первого лица «твердят о величии эпохи». С большим сарказмом пересказывает Александрова цикл стихов Н. Грибачёва «Кавказ подо мною»: «Путёвку в дом отдыха на Кавказ поэт использовал с большой дальновидностью: сначала пошёл пешком в коммунистическую Мекку – в Гори, «на родину далёкого отца», чтобы самолично «увидеть далёкое утро, где начинается век». Затем он посетил колхоз, устроивший пир в честь делегации «индий-

¹ Александрова В.А. По советским журналам // Новый журнал. – 1944. - № 9. – С. 24.

² Там же.

³ Александрова В.А. Обзор советских журналов за 1943 год // Новый журнал. – 1944. - № 7. – С. 367.

⁴ Александрова В.А. Советские журналы за 1951 год // Новый журнал. – 1952. - № 28. – С. 151.

ских гостей». Пиршество происходило в саду, столы ломились «от тяжёлой снеди» и вин. «Пять индийских поселений / За целый год / Наверяд бы оплатит сумели / Такой расход». Впрочем – долой хозрасчёт – «поскольку тут живут и трудятся с почётом и с шуткой пьют». Пребывание на Кавказе Грибачёв завершил экскурсией на вершины гор, откуда он разглядел очертания берегов Турции. Но как ни напрягал поэт своего зрения, ему так и не удалось увидеть там: «её жандармов, её голодных и больных», не удалось увидеть, «как янки плюют в Босфор, ведут по пьянке чужих невест в публичный дом»¹.

Ссылаясь на статью А.Твардовского в «Литературной газете» (11.09.51), Александрова отмечает, что эта политическая поэзия порядком приелась даже узкому кругу советских поэтов: они находят во всех зарубежных циклах «однообразие и похожесть» и признают, что отечественная тема на проверку оказывается потрудней, поэтому послевоенная проблематика в поэзии отражается слабо. Критик делится с читателями впечатлением, что человеку с войны не дают высказаться, обвиняя в пристрастии к ненужному натурализму, поэтому писатели вынуждены писать «о первых пятилетках». Помянув добрым словом ушедших – Бажова, Вишневского, Павленко, Платонова – Александрова отмечает «заговор молчания их сверстников». Из этого наблюдения она делает вывод, что наступает какой-то новый период литературного развития. Это подтвердилось очень скоро: молодым лейтенантам представилась возможность поведать миру их «окопную правду», появился интерес к современной теме у романистов, начали возвращаться из небытия произведения репрессированных писателей, появились молодые поэты-шестидесятники, которым был неведом страх трагического 1937-го года.

В 50-х она выступала с обзорами реже, приурочивая их к особым датам: «Сорокалетие советской литературы», «Советская литература после XX съезда КПСС». Гораздо чаще в «Новом журнале», а она почти всегда публиковалась именно в нём, появляются «персоналии»: Бунин, Андреев, Зайцев, Паустовский. Она пишет книгу о русской литературе XX века. Ей кажется, что о творчестве русских писателей-эмигрантов на Западе знают все, интересующиеся литературой, а о тех, кто живёт на родине – очень немногие, значит, надо писать о них. В 1963 году книга вышла в американском издательстве «Доблдэй» на английском языке. Она называлась «История советской литературы. 1917-1964. От Горького до Солженицына». Книга имела колоссальный успех, потребовалось второе издание. Его выпустили в мягкой обложке – читатели были в основном небогатые. Сама Вера Александровна жила очень скромно, последние 12 лет вдовствовала. Она умерла от сердечной болезни 1-го октября 1966 года в госпитале Сейнт-Люкс и похоронена на кладбище Френклиф.

¹ Александрова В.А. Советские журналы за 1951 год // Новый журнал. – 1952. – № 28. – С 152-153.